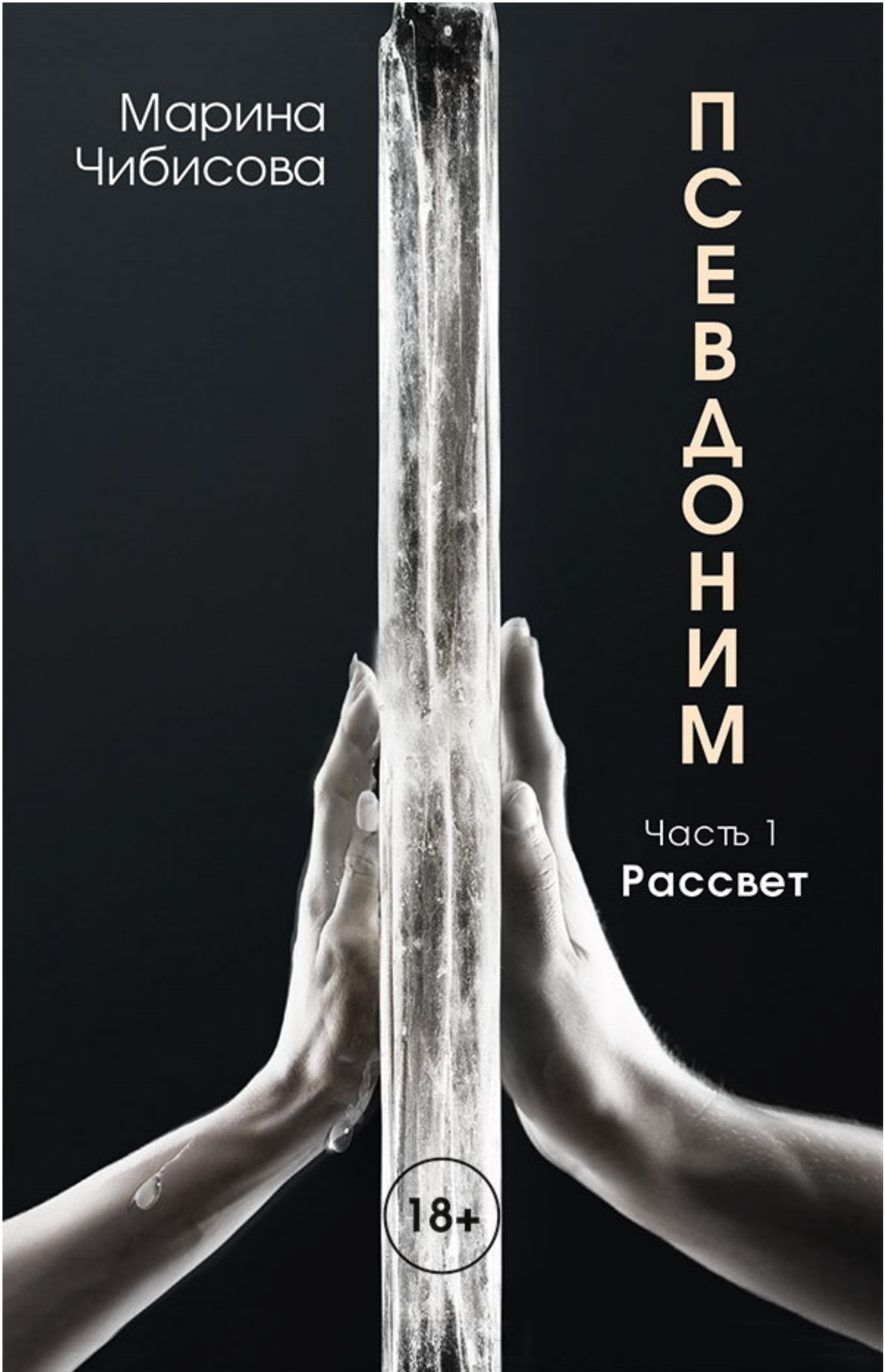

Марина
Чибисова
ПСЕВДОНИМ
Часть 1
Рассвет
18+

Псевдоним

Марина Чибисова

Псевдоним. Часть 1. Рассвет

«У Никитских ворот»
2026

УДК 82-3
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Чибисова М.

Псевдоним. Часть 1. Рассвет / М. Чибисова — «У Никитских ворот», 2026 — (Псевдоним)

ISBN 978-5-00246-651-1

Девочка-старшеклассница влюбляется в мужа своей сестры – и запретная страсть становится «эффектом бабочки», который запускает войну мафий, служит осью для борьбы за будущее целого города, круто меняет жизнь каждого героя. Но за динамичным сюжетом, в котором есть все – любовь и секс, крепкая мужская дружба и предательство, перестрелки, взрывы и переговоры, сильные чувства и тонкий юмор – скрывается второе дно. И там, на глубине, читатель вместе с героями проходит путь, в финале которого найдет самого себя.

УДК 82-3
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00246-651-1

© Чибисова М., 2026
© У Никитских ворот, 2026

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 18
Глава 5 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Марина Чибисова
Псевдоним. Часть 1. Рассвет

Тебе, кого забуду
только после себя

© Чибисова М., 2026
© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

* * *

Вначале был путь. Петляющий коридор, похожий на лабиринт, с множеством дверей-близнецов. Я по очереди пробовала открыть каждую из них, но ручки не поддавались. Пока наконец не нашла нужную комнату. С порога обдало холодом, я будто вошла в морозильник или оказалась в сердцевине кубика льда. Стены, потолок, пол – все покрыто плотным слоем белого инея. Я выдохнула – и увидела, как облачко пара растворяется в воздухе. Безжизненное замерзшее пространство из стекла, и я внутри – почему-то в легком, почти невесомом платье. Мне кажется, эта комната ждала меня. Может быть, только я одна и могу ее оживить. Немного пугаясь и не совсем понимая, что происходит, я прикасаюсь пальцами к стеклу. И внезапно иней начинает таять. По стеклу растекаются яркие цветы из карамели, стены полностью покрываются ими, превращаясь в причудливый сказочный витраж. Что-то радостное, из детства. Наивная, чистая вера в чудеса обретает четкие очертания. Не могу поверить, что всю эту красоту создала одним лишь своим прикосновением. Осмелев, прижимаю к холодной поверхности всю ладонь. И чувствую, как с той стороны к ней в зеркальном жесте прикасается другая рука. Цветы исчезают. Стекло становится прозрачным, и я отчетливо вижу его. Невыносимая боль и бесконечное счастье накатывают одновременно. Так сильно, что дыхание перехватило. Я знаю, что он чувствует то же самое. Весь этот мир оживает, начинает вращаться, будто мы с ним запустили древний механизм, которому до сих пор не хватало лишь импульса. И на мгновение я увидела будущее. Чистый ухоженный город, мосты над заливом, улыбающихся детей на пороге школы – почему-то они важны, хотя я и не понимаю, в чем смысл. Я увидела, как белый порошок фейерверком разлетается над портом, осыпаясь на лица и плечи испуганных людей. Как пылает ночной клуб, и языки пламени взмывают ввысь, превращая здание с плоской крышей в гигантский факел. Увидела, как красивый парень с черными глазами закрывает меня собой от толпы вооруженных людей. И кровавые брызги разлетаются во все стороны из стильного бассейна с подсветкой. Моя сестра стоит у стены нашего дома с поднятыми вверх руками, белая, как мел. Мой резко подросший племянник с любопытством рассматривает труп незнакомца у своих ног. Но я знаю, что все правильно. Так должно быть. Потому что каждому из нас суждено пройти

свой путь. Волны океана бьются где-то совсем близко, отдаваясь глубоко внутри. И я смотрю на него – единственного мужчину, ради которого дышу. Больно будет всем. Но мы с тобой сделаем это.

Стена тает, истончается – оказалось, она не из стекла. Всего лишь лед, который легко теряет форму, стоит коснуться его теплом ладони. Тоньше, еще тоньше. Вода капельками скатывается вниз. Руки соприкасаются.

Глава 1
Толкователь снов

Солнечные лучи настойчиво бились в глаза, перебегали ослепительно яркой рябью по лицу, не слишком заботясь о том, что до звонка будильника есть еще полчаса. Устав от них отворачиваться, Рейчел наконец смирилась с тем, что утро настало. Сладко потянулась и с ленивым любопытством попробовала прокрутить в голове свой сон, но тут же резко села на постели: что это было вообще? Она не могла восстановить сюжет – ночные образы рассыпались пылинками в утреннем свете. Вроде бы какая-то морозная комната… Зеркало… Или нет, кажется, стекло. Но кое-что в ее подсознании отпечаталось четко: чувства к мужчине, который прижимал ладонь с той стороны прозрачной стены. Вспомнив об этом, Рейчел чуть не забралась с головой под одеяло от жгучего стыда. Какого черта… Он для нее родной человек, это противоестественно. Откуда только берется эта нездоровая чушь? И ведь не в первый раз…

Не желая дальше предаваться постельным размышлениям, девушка с легкостью резинового мячика выпрыгнула из кровати. Совершив все утренние ритуалы, наспех расчесала вьющиеся белокурые волосы, натянула на себя короткие джинсовые шортики и белую футболку с забавным мультяшным принтом, а затем почти вприпрыжку сбежала вниз по лестнице. И с удовольствием вдохнула витающий на первом этаже аппетитный запах – похоже, сегодня их с Джереми на завтрак ждет что-то особенное. Идя на этот аромат, как мышка на кусочек сыра, Рейчел оказалась на просторной светлой кухне, где, стоя к ней спиной, колдовал у плиты неожиданный герой ее ночных видений. В сковороде что-то скворчало, вытяжка мерно гудела, весенний ветер стихийно врывался в открытое окно, обдавая нежной прохладой, и Рейчел почувствовала, как внутри разливается какой-то тихий ленивый покой. Постояла в дверях с полминуты, разглядывая его крепкую спину в серой домашней футболке, но вдруг поймала себя на этом странном занятии и поспешила окликнуть по имени.

Брайан обернулся – синие глаза мгновенно засветились теплой добротой:

– Доброе утро, малышка. Что-то ты сегодня рано.

Рейчел пересекла все пространство кухни, в одно движение взобралась на мраморную столешницу в том месте, где не помешала бы ему готовить. И лишь затем, загадочно улыбаясь, произнесла:

– Меня разбудил очень необычный сон.

Сделала паузу, ожидая реакции, но Брайан лишь легонько кивнул и сосредоточил все свое внимание на том, чтобы как можно аккуратнее поддеть лопаткой мясо в сковороде. Недовольная таким равнодушием, Рейчел посмотрела на него исподлобья и с досадой поинтересовалась:

– Не спросишь, какой?

– Дай угадаю: мальчик твоей мечты, по виду больше похожий на девочку, подарил тебе букет роз, а потом вы уехали с ним в закат на милом пони? – не отвлекаясь от своего занятия, с рассеянной иронией поинтересовался Брайан.

– Вовсе нет! – обиделась девушка. – По-твоему, если мне семнадцать, то мозги у меня из пластика?!

– Ну что ты, крошка, я просто пошутил, – он бросил на нее быстрый веселый взгляд, в котором было очень много от мальчишки, дергающего отличницу за косички, и тут же вернулся к мясу.

Выждав еще минуту, Рейчел снова спросила, уже с бóльшим нажимом:

– Так ты спросишь про сон или тебе совсем неинтересно?

Брайан тяжело вздохнул и терпеливо объяснил:

– Рейчи, открою секрет: мужчины не любят рассуждать о снах, фантазиях и прочих очень важных для девушки твоего возраста вещах. Запомни на будущее, пригодится.

– То же самое ты говорил про гороскопы, – обиженно надув губки, заметила Рейчел.

– Конечно, и гороскопы, – невозмутимо подтвердил он.

– И еще про туфли, – напомнила девочка.

– А вот это вообще за гранью, – при упоминании туфель Брайан скривился, будто по его ушам проехались наждаком. – Оставь любимые темы для встреч с подружками, так оно лучше будет.

– А может, это только ты такой зануда? Я слышала, многие парни готовы обсуждать подобные вещи, – не сдавалась Рейчел.

– Тем парням обычно нравятся другие парни, – расслабленно возразил он и взялся за перечницу. Девушка ничего не ответила, и на время по кухне разлилась тишина, прерываемая лишь шипением масла в сковороде и редкими порывами ветра из окна. Понаблюдав за его размеренными спокойными движениями еще немного, Рейчел со скуки начала болтать ногами, стараясь не сильно колотить при этом по столу. Но спустя пару минут не выдержала и нарушила молчание:

– А Джерри еще спит?

– Да, скоро пойду его будить, – безмятежно отозвался Брайан.

– Так значит, с мужчиной не стоит обсуждать сны, вообще никакие? – казалось, она только и ждала, когда он заговорит, чтобы вернуться к интересной для себя теме.

– Ну почему, какие-то можно… – он едва заметно улыбнулся, но не стал развивать мысль, и Рейчел с нескрываемым удовольствием сделала это за него:

– Типа там эротические?

На этот раз Брайан даже лопатку отложил в сторону. Не спеша вытер руки о бледно-голубое кухонное полотенце, развернулся к ней всем корпусом и, убедившись, что она внимательно его слушает, очень серьезным тоном произнес:

– Рейчел, я бесконечно тронут тем, что ты выбрала меня в советчики, и готов хоть целый год проводить ликбез по всем твоим прыщавым сверстникам. Но где-то должна проходить граница. И ты только что ее нарушила. Понимаешь меня, малышка?

Девушка торопливо кивнула, чувствуя, как щеки заливает пунцовой краской, и, не в силах выдержать его пристальный взгляд, уткнулась глазами в пол. Брайан с облегчением выдохнул и снова вернулся к полуготовому блюду на огне, между делом продолжая:

– Ну а теперь, когда мы друг друга поняли, будем считать, что тебе удалось пробудить мой интерес. Так что там у тебя за сон?

– Мне снился ты, – еле слышно ответила Рейчел и с несмелым любопытством искоса посмотрела на Брайана. Даже с этого ракурса было видно, как высоко поднялись его брови от удивления, хотя голос звучал по-прежнему ровно:

– Вот как? И что я делал?

– Не могу сказать, – девушка едва заметно улыбнулась. Брайан со смехом пораженно покачал головой:

– То есть ты минут десять терзала меня, чтобы в конце выдать «Не могу сказать»?

– Просто ты объяснил мне, что в этом месте у нас проходит граница, – произнося эти слова, Рейчел готова была зажмуриться от прилива адреналина: так далеко с ним она еще не заходила. И ощутила ни с чем не сравнимую радость, когда на таком непроницаемом обычно лице отразилось тревожное непонимание. От неожиданности он выпустил ручку сковороды и растерянно замер в какой-то неестественной позе, по-новому вглядываясь в нее, будто видел в первый раз. Волнение мешало Рейчел дышать, она слышала, как сердце поднялось куда-то к горлу, но заставила себя выдержать его молчаливый вопрос до конца. Впервые в жизни у нее получилось вызвать Брайана на такие сильные эмоции, обидно будет испортить эффект

неуместной стыдливостью. Пусть знает, что она уже взрослая и способна на большее, чем сказочки о закатах и пони.

На втором этаже послышалось движение, и Брайан смог наконец отмереть. Чуть потряс головой, будто разгоняя туман в мозгах, но четкие дужки бровей по-прежнему были приподняты выше обычного. Продолжая наблюдать за его реакцией, Рейчел неожиданно ощутила приступ паники. Хоть бы он не отдалился от нее после этой легкомысленной шутки. Потому что если в ее жизни сейчас и есть что-то хорошее, то только их дружба.

Прошло около года с того дня, как папа отправил ее в Норфолк, – а казалось, целая вечность. Официальной причиной переехать сюда из Нью-Йорка стало то, что у выпускниц норфолкской высшей школы больше шансов поступить в Дартмутский университет, а именно этого и ждал от нее отец. Поначалу Рейчел жила вместе с ним в родовом гнезде ла Риверов, но очень скоро папа вернулся обратно в великий город-яблоко, и заботу о девочке взяла на себя старшая сестра, Кэтрин. Хотя по факту Рейчел куда больше занимался ее муж.

Первое время, поселившись в их семье, девушка не могла избавиться от глубокой обиды на отца. Несмотря на то что намерения он озвучил вполне благие, она ни секунды не сомневалась насчет истинных мотивов своей неожиданной ссылки. Правда заключалась в том, что в жизни папы впервые за много лет появилась женщина. И теперь он настолько погрузился в свои новые отношения, что, похоже, ни о чем другом думать не мог. И когда в новой школе у Рейчел чуть ли не с порога начались проблемы, она из одного лишь упрямства не стала о них говорить.

Не секрет, что милые школьницы в клетчатой форме с гофрированными юбочками вовсе не такие милые, если ты им вдруг не понравишься. А Рейчел, на свою беду, не вписалась. Известная фамилия, светские корни и мама-суперстар ничего не меняли. За соседними партами сидели дети таких же богатых и знаменитых, и родословная юной мисс Рейчел ла Ривер никого особо не впечатляла. Было важно, что представляет собой она сама. Но для девчонки, которая о матери знала только по фотографиям и большую часть жизни провела в тепличных условиях на домашнем обучении, такая смена окружения была слишком резкой. Стервозные королевы старшей школы сразу поняли, насколько она не адаптирована, и, как и положено в подростковой среде, сделали из новенькой для себя развлечение. Каждый день Рейчел шла в школу, как на казнь, и считала дни до окончания учебного года. В классе с ней кое-как общалась только одна девочка, и то, похоже, из какого-то принципа. Все друзья остались в Нью-Йорке и, судя по все более редким сообщениям на «Фейсбуке», постепенно забывали о ее существовании. Так что круг общения беднел, схлопываясь до семьи. Но и здесь все было непросто.

Еще на этапе переезда Рейчел тешила себя надеждой, что, живя со старшей сестрой под одной крышей, сможет сблизиться с ней, и они станут настоящими подружками. Но Кэтрин почти круглосуточно была занята на работе. И даже дома постоянно говорила по телефону. Казалось, мобильник намертво прирос к ее уху, сестра словно родилась с ним в комплекте. Отец свое участие в жизни младшей дочери ограничил редкими визитами и формальными звонками. И только Брайан заботился о ней и, казалось, проявлял искренний интерес к многочисленным подростковым проблемам. Неожиданно для себя Рейчел нашла в нем опору, о которой до сих пор и не мечтала. Может быть, дело в том, что муж сестры, в отличие от остальных, всегда был рядом – в последние годы он занимался домом и сыном, пока Кэтрин строила карьеру в семейной компании. И логично, что именно на его плечи упала забота о юной родственнице.

Но если на Рейчел и Джереми близкое присутствие Брайана действовало благотворно, то у того же папы его видимое безделье вызывало открытое раздражение. Несколько раз Рейчел даже слышала слова «альфонс» и «бандит». Казалось, отец до сих пор не мог простить себе, что

позволил любимой дочери связать судьбу с таким неподходящим на роль ее супруга человеком. Хотя, говорят, когда-то от их любви асфальт колосился сиреневыми цветами.

Брайану было шестнадцать, а Кэтрин – четырнадцать, они познакомились на дискотеке, на которую сестра сбежала из дому без спросу. Он был хулиганом и грозой улиц, она – дочерью Энтони ла Ривера, белой костью в каком-то там поколении. В общем, классический сюжет для молодежной мелодрамы с препятствиями от злобной семейки богачей на пути чистого чувства. Но все вышло совсем не так. Мама полюбила Брайана, как сына, и звезды улыбнулись юной паре. В восемнадцать лет Кэтрин забеременела. Оба были влюблены и, несмотря на возраст, без раздумий сразу поженились, чтобы жить долго и счастливо.

Рейчел много раз слышала эту историю, рассказанную на разные лады. Вот только «долго и счастливо», которое было у нее перед глазами, не вписывалось в романтический сюжет. Чужие люди, объединенные лишь любовью к своему раннему сыну, – пожалуй, так можно было описать их отношения. Ни общих поездок в отпуск или хотя бы в парк аттракционов, ни семейных уик-эндов на природе, ни даже совместного просмотра телевизора. Собирались вместе супруги лишь за ужином и на праздники, когда в доме появлялись гости. Но и тогда вели себя с холодной отстраненностью незнакомцев. В такие минуты Рейчел украдкой бросала взгляд на Джереми – чувствует он, что у его родителей большие проблемы, или для него все это уже стало нормой? Ей очень хотелось защитить его от правды. Тем более что Джереми был вторым человеком, который привносил в новую жизнь девочки родное тепло. Какие-то пять лет разницы не могли стать препятствием для того, чтобы они вдвоем устраивали в доме бедлам. Начиналось все обычно с того, что вредный мальчишка незаметно цеплял пойманных в саду жуков ей на волосы, подкладывал фальшивую какашку в кровать или выкидывал что-то еще в этом роде. Дальше сценарий повторялся: пронзительный визг Рейчел, довольный смех изобретательного племяша, остросюжетная погоня с метанием в него подручных средств и ответным огнем из водяного пистолета. А в итоге – разбитые чашки, поломанные цветы, лекции о том, что им не по три года, возмущенное: «Он первый начал!» – «Неправда, я спокойно сидел, делал уроки, она сама пристала!» Когда терпение взрослых истощалось, оба старательно принимали смиренный вид, не забывая корчить друг другу рожицы украдкой.

И все-таки Рейчел его обожала. И, похоже, это чувство было взаимным. Потому что, кроме мерзких насекомых, ей иногда перепадали первые ландыши из сада, пусть даже перепачканные влажной грязью, и снисходительно оброненные предложения сразиться в компьютерную игру – конечно, в ту, где Джереми был просто сенсеем. Удобно усевшись на подушках в его комнате, они погружались в горячие онлайн-баталии, по ходу наперегонки выгребая чипсы из одной пачки и подтрунивая друг над другом. В такие моменты Рейчел полностью расслаблялась и забывала обо всех школьных проблемах.

Вот и сейчас, когда она явно перегнула палку с Брайаном, любимый племянник, сам того не зная, очень вовремя пришел на помощь. На кухне он появился с видом слепого крота, которого зачем-то вытащили на яркий свет. И, механически протирая сонные глаза, сквозь длинный зевок поинтересовался:

– Па, а почему ты меня не разбудил? Сколько уже времени, что вы все такие бодрые?

– Во-первых, доброе утро, Джер, – со своей обычной невозмутимостью ответил его отец.

– Ну, доброе, – недовольно буркнул мальчик и метнул многообещающий взгляд в сторону Рейчел, которая тихонько смеялась, наблюдая за его тщетными попытками проснуться.

– А во-вторых, ты вчера обещал, что ляжешь спать вовремя.

– Да я недолго, просто уровень в игре был сложный… – начал было привычно оправдываться Джереми, но Брайан сделал жест ладонью, означающий, что сейчас лучше прикрутить громкость, и объяснения прервались.

– Если ты что-то обещаешь, неважно, мне или другим людям, будь добр, выполняй.

– Нет, ну я же просто… – как и в случае с Рейчел, хватило одного взгляда, чтобы мальчик стушевался и закончил фразу извиняющимся: – Ладно, пап, я буду стараться.

Брайана, очевидно, такой ответ удовлетворил. Он согласно кивнул и переключился на более актуальные вопросы:

– Накрывайте на стол, через пять минут садимся завтракать. Рейчи, займись тарелками. Джер, заряжай кофеварку. Салфетки в правом ящике.

Рейчел охотно выполнила его распоряжение и, когда все трое уселись за стол, с улыбкой подумала, как же хорошо и тепло ей сейчас. И вдруг поняла, что предложи вдруг отец вернуться домой, в Нью-Йорк, она нашла бы миллион отговорок, лишь бы не ехать. А ведь совсем недавно только этого и хотела. Может быть, на самом деле ее настоящий дом здесь? В конце концов, семья Кэтрин жила в том месте, где обе сестры выросли, где были счастливы их родители, где каждая деталь напоминает о маме. Взять хотя бы ее портрет во весь рост напротив входа. Каждый раз, проходя мимо картины, Рейчел испытывала странное ощущение, будто чья-то нежная ладонь любовно касается ее щеки. И одного этого хватало, чтобы ей хотелось остаться. А ведь были и другие причины.

Рейчел сделала небольшой глоток кофе и украдкой посмотрела на Брайана. Вроде бы не выглядит рассерженным. Наверное, решил не реагировать на ее откровенный намек, это очень в его стиле. Хотя, если честно, даже обидно. В эту минуту Джереми спросил отца о планах на день, и Брайан повернулся к нему. Тень как-то странно упала на его профиль, вызвав мгновенную ассоциацию.

«Ледяная стена – вот что это было. Мы с тобой сделали так, что она растаяла», – воспоминание обожгло изнутри, и Рейчел даже вздрогнула под невыносимой мощью этого чувства. Брайан уловил ее движение и собрался о чем-то спросить, но не стал. Как будто без лишних слов понял, что с ней происходит. И только когда завтрак завершился и Джереми убежал к себе собирать школьный рюкзак (с этим он тоже обещал разобраться еще с вечера), встал с места, наклонился над ней и тихим успокаивающим голосом произнес:

– Рейчи, насчет твоих снов: это был не я. Ты просто неосознанно подставила герою, о котором мечтаешь, знакомое лицо. Так что хватит на меня так смотреть. Вернись на землю, зайчонок. Пора в школу.

Девушка рассеянно выслушала его, на автомате кивнула и вышла из-за стола. Брайан проводил ее задумчивым взглядом, по ходу прокручивая в голове весь их утренний разговор, и когда тонкая девичья фигурка скрылась за углом, не выдержал и негромко засмеялся.

Глава 2
Испанская весна

– Собрино[1], я хочу, чтобы ты хорошо уяснил: здесь не Мадрид. Прежде чем сделать шаг, ты спрашиваешь меня. Какой угодно, даже до толчка и обратно.

– Я все понял, дядя.

– У тебя может возникнуть искушение показать, что ты чего-то стоишь, проявить себя. Но если поторопишься, будет хуже. Вторые шансы у нас дают редко, так что пока смотри и учись. И помни об уважении.

– Тебе не стоит волноваться, я не подведу, – чуть улыбнулся Антонио. Его дядя притормозил с инструкциями и пристально вгляделся в открытое миловидное лицо мальчишки. В глубине плеснулось сомнение, а затем Хулио Амерос несильно хлопнул племянника по плечу и осторожно спросил:

– Антонио, может, все-таки послушаешь мать, и мы решим вопрос в пользу колледжа? Жить все равно можешь у нас – пока не доучишься, я тебя поддержу.

– По-твоему, я не справлюсь? – с едва уловимой ноткой заносчивости отозвался парень. Черные глаза на узковатом лице блеснули неосознанной угрозой. Хулио печально усмехнулся и покачал головой:

– Дело не в этом. Ты сейчас вступаешь в опасный мир, он уже отнял у меня отца, а затем и брата. Не уверен, что готов рисковать еще и тобой.

– Наверное, думать об этом немного поздно, – на смену короткой искорке обиды пришло легкое смущение, и Хулио с внутренней улыбкой подумал, как все-таки легко читать человека, когда ему девятнадцать лет. Антонио, похоже, все уже решил и не видит для себя другого пути, кроме того, которым шли все мужчины его семьи. И не Хулио Амеросу, вот уже пятнадцать лет известному в криминальном мире под неприхотливым прозвищем Спэниш, читать племяннику нотации. Ведь он в свое время тоже сделал этот шаг, не задумываясь. А теперь если что-то и может, то лишь научить мальчишку всему, что знает сам, но уж точно не унижать его, пытаясь лишить права выбора. Обдумав все за минуту, Хулио сдержанно кивнул:

– Будем считать, что ты меня убедил. С оружием нормально управляешься?

– Ну да, – удивленный таким вопросом, кивнул Антонио.

– В людей стрелял? – карие глаза Хулио даже как-то потемнели, хотя в голосе не изменилось ни единой ноты. Парень отрицательно покачал головой, и дядя, как ему показалось, с облегчением выдохнул:

– В принципе, такого от тебя и не требуется. Главное, чтобы умел себя защитить.

Короткий кивок – сын старшего брата определенно не привык болтать попусту, и уже этим одним вызывал симпатию. Хулио подумал, что, может быть, приезд парня на пользу им обоим. Ему как раз не помешал бы верный человек поблизости, на которого можно положиться. А что может быть надежнее, чем родная кровь? К тому же он хорошо знал Антонио с раннего детства и ни секунды в нем не сомневался.

Из соседней комнаты их позвал звонкий голосок Рауля, сообщившего, что мама накрыла на стол. Хулио улыбнулся племяннику и со спокойной доброжелательностью произнес:

– Ладно, собрино, у тебя будет возможность, – и увидел, как лицо мальчишки просияло, из него полностью ушло напряжение. По-видимому, он до конца сомневался в том, что крутой дядя поддержит его идею, и теперь не мог скрыть радость. Крепко обнялись и прошли в столовую.

---

[1] Sobrino *(исп.)* – племянник.

Хуана вовсю хлопотала над ароматным косидо – специально для юного гостя она приготовила визитную карточку их общей родины. По приглашению хозяев Антонио уселся за массивный дубовый стол и огляделся: было странное ощущение дежавю, будто он и не уезжал из жаркой Испании. И дело, конечно, не только в запахе ветчины и морепродуктов. Сама обстановка создавала иллюзию, будто они отдыхают где-то на вилле в предместье Мадрида. Все те же тяжелые монументальные ламбрекены, многочисленные картины на стенах, в основном с библейскими сюжетами, кованые люстры на потолке. Но вместе с тем – широкое пространство, простота и даже некоторая аскетичность. Он словно попал в королевский замок и скромный сельский домик одновременно. Интегрироваться в американское общество дядя, похоже, не планировал – он, как и все Амеросы, гордился своей национальной принадлежностью и оставался испанцем даже в мелочах.

Антонио, как требовали традиции, перед основным блюдом съел пару оливок для аппетита и поддразнил немного Рауля, который брезгливо накалывал их на шпажку и снова ронял, очевидно, не испытывая большой любви к специфическому вкусу. Мальчик немного надулся, но почти сразу же оттаял и засмеялся – слишком сильно он скучал по своему двоюродному брату, и теперь, кажется, тянулся к нему всеми фибрами души. С детской наивностью начал расспрашивать о том, есть ли у Антонио невеста, и почему нет, если он уже такой большой? Парень сочинил для него историю о том, как прекрасная девушка обронила перчатку, и теперь он повсюду ее ищет, чтобы сделать своей невестой, но у всех красавиц, как назло, руки-крюки – на этом месте он под радостный смех Рауля выразительно согнул пальцы. И тут же оборвался, наткнувшись на укоризненный взгляд хозяйки дома. Но восьмилетний мальчик проявил неожиданную смекалку и поинтересовался, как выглядела «та самая» девушка и где сейчас пресловутая перчатка – ведь если Антонио в поиске, она точно должна быть при нем. А когда парень попытался вывернуться, с радостной улыбкой сказал, что тоже читал сказку о Золушке, и примо[2] следовало подготовиться серьезнее. Теперь уже рассмеялись все. Хулио с любовью потрепал сына по голове, его красавица-жена Хуана, тепло улыбаясь, принялась расставлять горшочки с косидо перед мужчинами, и Антонио подумал, что жизнь налаживается.

На следующее утро дядя разбудил его рано – предстоял долгий день. Первым делом они отправились на Энимер. Когда-то давно это была всего лишь забытая богом улочка, где молодежь устраивала дискотеки под открытым небом. Но в последние лет двадцать название Энимер-стрит превратилось в испанский аналог Cosa Nostra, пусть и не с таким размахом. Да и собственно испанцев тут было немного, хотя они и стояли у истоков местной мафии. Все больше – мексиканцы, аргентинцы и местные, которые честному, но унылому труду предпочитали легкую жизнь, хоть и полную риска. Стихийные танцы за забором из металлической сетки трансформировались в приличный клуб с фейсконтролем на входе. Одно время здесь даже выступал легендарный Pseudonym (вроде бы тогдашнего босса мафии связывали особые отношения с самой Мэриндой). Сейчас в наследство от «золотого века» осталась в основном былая слава, но Антонио, тем не менее, Энимер заворожил с первого шага. Ему было интересно все. Даже потрескавшиеся фасады обветшалых домов, которые окружали клуб, и разрисованные неряшливым граффити стены – казалось, каждая трещинка обещает новую главу в его жизни, намекает на возможности, которые здесь открываются, если сделать все правильно.

Припарковав машину, дядя провел его мимо охранников – оба ему лишь расслабленно кивнули, но по Антонио все-таки прошлись быстрыми сканирующими взглядами. Затем пересекли затемненный и пустой в утреннее время клуб с прямоугольным танцполом. По мнению парня, интерьер здесь был слегка устаревшим, но, с другой стороны, кто он такой, чтобы оценивать решения местных боссов. Чем дальше, тем с большим любопытством Антонио оглядывался по сторонам, пытаясь понять, где может быть офис шефа. Но дядя уверенно шел прямо,

[2] Primo *(исп.)* – кузен.

пока перед ними не возникло неприметное серое здание с плоской крышей, что-то между гаражом и сараем на вид. Хулио нажал на кнопку звонка у стальной двери, и они оказались внутри. После свежего апрельского воздуха Антонио особенно остро прочувствовал волну разнообразных запахов, которая ударила в нос еще в коридоре. Казалось, он попал в антикварную лавку с хозяином-пьяницей за прилавком – запах сигаретного дыма, плесени и перегара буквально въелся в стены. Но была здесь и приятная прохлада, и какая-то особая аура, проясняющая мысли. Стараясь не отставать, парень все же успел заметить, что по углам коридора стоят античные статуэтки, на стенах висят зеркала в золоченых оправах – довольно странно, учитывая специфику места. Хулио, обернувшись на ходу, перехватил удивленный взгляд племянника и негромко пояснил:

– Осталось кое-что из старых запасов. Одно время были каналы по антиквариату, так что теперь любуемся тем, что не продалось.

Антонио понимающе кивнул – доверие дяди, пока еще ничем не заслуженное, ему невыразимо польстило.

Поднявшись наверх по лестнице с широкими перилами, Хулио одним резким движением распахнул двустворчатые двери, и они оказались в большой комнате, которая, очевидно, задумывалась просторной, но идею безжалостно изжил тысяча и один лишний предмет. Стало ясно, что порядком в офисе верхушки Энимера никто особо не занимался – в обстановке чувствовалась какая-то беззаботная неряшливость, работа наспех. Словно они здесь временно, и в любой момент нужно быть готовыми уходить петляющими маршрутами по соседским балконам.

– Спэн, ты сюда на е… чих ходунках добирался? Я уже запарился тебя ждать, – несмотря на смысл сказанного, в каждом звуке незнакомого ленивого голоса сквозило дружеское расположение.

Антонио присмотрелся внимательнее: за небольшим столом, небрежно положив на него скрещенные ноги в светлых джинсах, развалился мужчина лет тридцати на вид. Поверх черного свитера он надел серую футболку, которая выглядела слегка помятой. Но даже под этой многослойной одеждой выпирали внушительные бицепсы – Антонио проводил достаточно времени в тренажерном зале и мог оценить, сколько усилий требовалось, чтобы достичь такой формы. Русые прямые волосы до плеч были старательно уложены назад, открывая высокий лоб с практически прямыми густыми бровями, из-под которых на него изучающе смотрели цепкие серо-зеленые глаза.

– Так начинал бы, х… ли? Ты же у нас главный, – между тем спокойно возразил дядя и прошел внутрь комнаты, чтобы налить себе воды – на улице было непривычно жарко с самого утра. Какой-то парень с узорчатой татуировкой во все лицо вскочил с места, услужливо пододвинул ему графин с водой и почти незаметно испарился, оставив о себе на память лишь легкий сквознячок от закрывающейся двери. Сделав пару глотков, Хулио кивнул в сторону Антонио.

– Со мной сегодня племянник, приехал из Мадрида. Хочу взять его к нам.

– Ну, зашибись теперь, – недовольно скривился колоритный собеседник и выразительно зевнул, не заботясь о том, чтобы прикрыть рот. Антонио на всякий случай поспешно наклонил голову, не зная, нужно ли проявлять инициативу и лезть со всякими «здрасьте». Судя по всему, на Энимере царят свои порядки, и пока его не спросят, правильнее будет помалкивать. Незнакомый мужчина в ответ скорчил еще более красноречивую мину и свысока заметил, обращаясь к Хулио:

– Вот чего мне здесь не хватает, так это еще одного напыщенного ушлепка из великого рода Амеросов.

– Антонио, познакомься: Джеймс Хенсли, Принц Энимера и твой будущий босс, – с абсолютной невозмутимостью отрекомендовал его дядя.

– Как, говоришь, Антонио? Пацан, признавайся: где-то в доме этого мадридского сеньора все же нарисовано фамильное древо с датами и портретиками предков до десятого колена, на которое вы дружно дрочите? – с ехидной ухмылочкой поинтересовался Джеймс.

– Конечно, – неожиданно согласился парень. И с подчеркнутым удивлением заметил: – У всех есть такое дерево, разве нет?

Хулио тихо засмеялся, глава Энимера смерил его долгим взглядом и рывком поднялся с места, на ходу буркнув:

– Подгузники будешь менять ему сам.

– Как скажешь, – легко согласился Спэниш. Дверь за Хенсли захлопнулась, и он с улыбкой обратился к племяннику: – Ну что, второй тур собеседования прошел. Теперь посмотрим, на что ты годен в деле.

Антонио с готовностью кивнул, размышляя про себя, как расценивать перебранку дяди с Принцем. Вроде бы оба не слишком церемонились друг с другом, и за подобные оскорбления в адрес их семьи полагались последствия. Но Хулио, казалось, совсем не принимал их всерьез. Или же просто не показывал своего истинного отношения к ситуации при свидетелях. Мысленно отмахнувшись от неясных догадок, парень решил сконцентрироваться на новой работе. В конце концов, дядя должен убедиться в том, что Антонио достоин его протекции.

* * *

Как и полагается, все началось с мелких поручений. «Сходи сюда», «отвези то», «передай это». Выполняя одно из таких тестовых заданий, Антонио оказался в центре Норфолка, неподалеку от старшей школы для состоятельных девочек. На этот раз пришлось немного подождать, и парень от нечего делать решил покурить. Распахнул окно в темном коридоре полупустого дома, где планировалась встреча, и с удовольствием подставил лицо апрельскому солнцу. Интересно, здесь всегда такая теплая и приятная весна? Как-то даже неожиданно красиво. Эти верхушки деревьев, залитые светом, эти лиловые облака, эта девушка… Он почти по пояс свесился из окна, чтобы лучше ее рассмотреть.

Столько легкости, естественной грации в каждом движении… Ветер взбивает длинные волосы, создавая вокруг золотистую ауру, но она, кажется, даже не замечает его порывов. Все личико сияет радостью, улыбка светлая, нежная… Он еще никогда таких не встречал. Она казалась воздушной, даже какой-то неземной.

И внезапно для Антонио исчез весь окружающий мир. Звуки стали приглушенными, как будто откуда-то издалека. И только тонкий аромат цветущих вишен все сильнее обволакивал, погружал в состояние странной неги. Он видел, как мило она щурится от солнечных лучей. Видел, как смущенно опускает ресницы и счастливо смеется, на ходу поправляя светлые пряди волос. И понял, что нашел ее. Следуя за восторженным взглядом девушки, сфокусировался наконец на ее спутнике. Внутри что-то неприятно кольнуло, словно незнакомый мужчина в простой синей футболке и джинсах был его личным врагом. Хотя сейчас, наверное, он отнесся бы так к любому, кто встанет между ним и белокурой мечтой.

Проследил за ними, насколько хватало обзора, – судя по всему, золотистое чудо учится здесь. А значит, есть шанс отыскать ее и познакомиться ближе, когда на нем не будут висеть срочные дела. Удивленно усмехнулся про себя: надо же, а он-то был уверен, что все свое внимание сейчас сосредоточит на другом. Но весна стихийно ворвалась в распахнутое окно, не слишком интересуясь его планами и амбициями. И пути назад уже нет.

Глава 3
Наследие

Еще не успев переступить порог белого дома, Мари почувствовала мечтательную ауру, которая витала вокруг. Зеленые деревья, горы, океан… Вряд ли во всем мире найдется более подходящее место для того, чтобы жить семьей, любить друг друга, рожать детей и в порыве вдохновения творить. Белый дом принадлежал всем и никому. Он выглядел хрупким, воздушным, словно сплетенным из тонкого кружева. Вокруг дома раскинулся пышный сад, где сезонные цветы сменяли друг друга, наполняя воздух нежным ароматом. Со второго этажа открывался впечатляющий вид на океан. И большинство окон смотрели именно в этом направлении. Чуть справа, за территорией сада, спряталась уютная бухта – семейный пляж, задуманный как место, где летом все будут собираться вместе. Как и широкий стол в просторной столовой. И вместительная беседка в прованском стиле в одном из живописных уголков сада. Когда дом строился, все казалось логичным. Ведь его хозяйка, как центр вселенной, притягивала к себе самых разных людей. Сейчас в ее сказочном замке было намного тише. И все же для людей, которые любили и помнили Мэрлин, он оставался местом, где душа отдыхала, напитывалась солнечным теплом.

Мари открыла входную дверь и сразу же встретилась взглядом со знакомыми зелеными глазами. Поставила на пол дорожную сумку и негромко сказала:

– Ну, здравствуй, Мэрлин. Вот и я.

Портрет подруги вызывал у нее слегка суеверное чувство. Иногда казалось, он радуется и грустит вместе с обитателями белоснежного дома. Или даже беззвучно с ними говорит.

Энтони заказал картину еще тогда, много лет назад. Мэрлин на ней улыбалась, смотря чуть сбоку. Пронзительный взгляд из-под темных бровей вразлет. Уверенная непринужденная поза. Сценический образ – ее любимый черный топ со спущенными бретелями на плечах, джинсы и туфли на высоком каблуке. Правую руку положила на бедро, левая опущена вдоль тела. На шее поблескивал бирюзовый крестик.

Многие поклонники ошибочно думали, что ее звали Мэрлин по аналогии с секс-символом 60-х, но к блондинке всех времен и народов это прозвище не имело никакого отношения. Мари точно знала. Потому что сама его придумала. Примерно лет тридцать назад. И смысл был совсем в другом.

Мэрлин – волшебник, творец чудес. И подруга совершила чудо. Превратила второсортный бар с усталыми девицами, танцующими на стойке, в шоу мирового уровня. Их выступления собирали тысячи фанатов. Многие ее спецэффекты, даже спустя столько лет, до сих пор не удалось никому повторить. Просто потому, что сложно понять ход мысли человека, который одновременно – талантливый хореограф, креативщица и гениальный инженер. Она создала удивительную виртуальную реальность, куда более впечатляющую, чем голограммы или эффект 3D. На ее шоу люди погружались в сказку.

Сейчас уже почти никто не помнил о том, что на самом деле ее звали Симонетта – в честь музы Боттичелли. Никто не спрашивал, как так вышло, что после семи лет молчания она вдруг появилась из ниоткуда и вошла в правление семейной компании. В биографических статьях журналисты писали: «Работала на своего отца». Мари тихонько усмехалась: знали бы вы правду…

Как бы то ни было, именно «Эвэрин компани» стала плацдармом для создания иллюзий «Псевдонима». Там Мэрлин достигла пика успеха. А заодно вышла замуж за ставшего ей коллегой Энтони, отца своей первой дочери, а позже – и второй. Хотя ходили слухи, что в ее жизни был еще один мужчина, испанец со жгучими глазами. И кажется, там кипели нешу-

точные страсти. Вопросы вызывали и отношения самой Мари и Мэрлин – одна из любимых тем папарацци. Но тут вышла промашка: хотя они и жили много лет под одной крышей, их близость была вполне невинной. Сами они считали себя сестрами.

Мифы о Мэрлин росли со скоростью бамбука. Даже спустя столько лет ее личность оставалась загадкой. Для всех, но не для Мари. Она могла бы рассказать, сколько страшной боли вынесла ее подруга. Как сложно ей давался путь к славе, которая, в общем-то, была не главным. Рассказала бы, как в свое время Мэрлин вытащила ее из жесткой наркозависимости. Как протянула ей руку под дождем на улице, когда никто больше не остановился. Рассказала бы, сколько в ней было доброты и прощения. Силы.

Мэрлин, в которую влюблялись аристократы, бизнесмены и боссы мафии, покоренные ее харизмой и нереальными зелеными глазами.

Мэрлин, способная послать к черту кого угодно, если на нее пытались давить. Мэрлин, которая никогда не изменяла себе. И это главное ее чудо.

Мари могла бы рассказать. И, может быть, однажды напишет о ней книгу. Заодно ответит на вечный вопрос прессы, почему знаменитая дэнс-команда называлась «Псевдоним».

С улыбкой вспомнила их разговор давным-давно, когда обе были одинокими испуганными девчонками. Псевдоним – новое, другое имя. Способ защитить себя. Прикрывшись чужим именем, стать собой. Когда Мэрлин сказала это, сколько ей было? Кажется, восемнадцать. Но и сегодня ее мысль не потеряла свежести.

Любимая подруга ушла слишком рано – страшная авария расколола жизни ее близких на до и после. Рейчел была совсем маленькой. Кэтрин – на восьмом месяце беременности. Для обеих гибель матери стала раной, которую ничем не залечить. Пусть даже девочки этого и не осознавали в полной мере.

Двенадцать лет назад. С тех пор в семье поселилась тишина. А те конфликты, которые легко удавалось сглаживать доброму волшебнику, вышли наружу. Памяти о ней не хватало на то, чтобы близкие люди продолжали относиться друг к другу с прежним терпением и добротой. Но ее было достаточно, чтобы оставить глубокий след в сердце каждого. Мари снова подумала об этом, проходя пустыми комнатами белого дома.

«Как ты говорила? Это будет дом мечты. Твой белый замок. Он и есть замок, Мэрлин. Он висит над океаном, как сказочный мираж. Только как же пусто в замке без его королевы».

Легкий ветерок пронесся по коридору, подхватил эхо этих мыслей и унес за окно, куда-то в синее небо.

Прислуга без вопросов ее впустила – здесь все знали, кто такая Мари Андрес. К тому же сейчас она приехала, чтобы остаться надолго. Об этом попросил Энтони, да и Кэтрин, которая была ее крестной дочерью, настойчиво уговаривала пожить с ними в белом доме. Хотя эти уговоры продолжались уже больше года, с того момента, как муж Мари умер от рака. Поначалу она отказывалась, не желая стеснять семью «детей», но в последнее время одиночество стало совсем невыносимым. А Рейчел к тому же отчаянно нуждалась в материнском тепле, и Мари была рада окутать девочку любовью. Собственных детей у нее не было, поэтому вся нерастраченная нежность закономерно досталась дочерям погибшей подруги.

Мари прошла в комнату, которую давно уже считала своей, распаковала часть вещей, а затем, немного утомившись от этого занятия, спустилась вниз и заварила себе чашку чаю. С приятным чувством вышла на балкон и вдохнула соленый запах океана. С каждым глотком горячего напитка ей становилось все легче, спокойнее, словно и правда вернулась домой. Таким было наследие их волшебника – ощущение светлого покоя. Но не успела Мари насладиться своей чайной паузой, как внизу громко хлопнула входная дверь.

Глава 4
Игрушка

– Упс! Прости, ла Ривер, я тебя не заметила, – кусочек голубого неба в просвете меж деревьев закрыла собой темноволосая голова ненавистной одно– классницы Саманты. Она стояла прямо над ней и даже не скрывала, как сильно наслаждается эффектом. Минуту назад, когда Рейчел спускалась по ступенькам, Саманта «ненароком» зацепила ее локтем, так, что в одну сторону полетели учебники, а в другую – сама девушка. Частная школа, где они учились, располагалась в старинном особняке в стиле греческого возрождения со всеми этими круглыми колоннами, пилястрами, светлыми стенами. И, конечно же, высоким крыльцом, которое заканчивалось входом где-то на уровне второго этажа. Поэтому вниз лететь было далеко – благо ничего себе не сломала.

Рейчел с трудом села, держась за ступеньки и ощущая, как болит все тело, и со злостью негромко обратилась к Саманте:

– Ты за это заплатишь.

– Ну что ты, дорогая, – ее обидчица присела рядом и фамильярно приобняла свою любимую игрушку за плечи. – Я же не специально, и ты неслась вниз так быстро… Извини, пожалуйста.

В лице неуемной одноклассницы было столько чистосердечного раскаяния, что Рейчел просто потеряла дар речи. Она всегда пасовала перед ними – слишком хорошо у золотых девочек норфолкской школы получалось принимать невинный вид, когда это требовалось. И правильно реагировать на их уколы за два семестра Рейчел так и не научилась. На этот раз прикосновение заклятого врага вызвало у девочки такие смешанные чувства, что она резко отдернулась и с истеричной угрозой потребовала:

– Не трогай меня! – а затем торопливо добавила. – Я расскажу директору школы о том, что ты сделала.

– Ла Ривер, ты всерьез винишь Сэм? – подошла ближе Шерри, признанный лидер класса и законодательница местной моды. Сегодня воротник ее белой блузки украшал бант в мелкий горошек, а плиссированная школьная юбка дополнялась широким малиновым поясом. И конечно, яркие гольфы в клеточку – излюбленный фетиш женской школы Grier. Оглядевшись, Рейчел насчитала еще девчонок пять, которые были в таких же гольфах, хоть и с небольшими вариациями. Естественно, когда Шерри показала свое отношение к инциденту на лестнице, ее адепты с энтузиазмом присоединились к своему генератору трендов:

– Да, Рейчел, Саманта извинилась, что еще тебе нужно?

– Разве можно быть такой злой?

– А если бы на тебя кто-то пошел жаловаться, как бы тебе это понравилось?

В довершение ко всему Саманта картинно прижала обе руки к груди и, старательно играя на публику, ласковым голоском произнесла:

– Рейчел, мне правда очень, очень жаль!

Кольцо осуждающих одноклассниц вокруг нее уплотнилось, и под таким давлением ничего не оставалось, кроме как опустить глаза в пол и выдавить из себя:

– Хорошо, я была неправа. Давай забудем.

В толпе девчонок послышались смешки и перешептывания. На тонких губах Саманты, старательно накрашенных блеском Chanel, заиграла злорадная улыбочка. Она встала со ступеньки и протянула Рейчел открытую ладонь:

– Я так рада, что мы снова друзья!

Под двусмысленные аплодисменты окружающих незадачливая наследница ла Ривер неохотно приняла ее помощь и встала со ступенек, мысленно молясь, чтобы все они поскорее оставили ее в покое. Но у школьных королевок были другие планы.

– Кстати, Рейчи, мы с девчонками как раз хотели у тебя кое-что узнать, – снисходительно обронила подруга Саманты блондинка Бетси и, красуясь, пригладила свои длинные волосы, элегантно перехваченные широкой лентой. – Как насчет поучаствовать в нашем проекте по генетике? Заодно и дополнительные баллы для поступления в Дартмут, ты ведь туда собралась?

– Что за проект? – чувствуя, как пересохло в горле, тихо и безнадежно спросила Рейчел. По печальному опыту она знала, что этот разговор не может закончиться для нее ничем хорошим.

– Давай я тебе расскажу, – с преувеличенным энтузиазмом предложила Саманта. – Суть в том, чтобы определить, кто из окружения может быть твоими биологическими родителями. Очень интересная тема, мы так увлеклись! Правда, Сара?

– Да, вчера три часа пытались решить эту задачку, – угодливо подтвердила полная девочка, на которой модные в этом сезоне клетчатые гольфики в сочетании с широким поясом смотрелись довольно несуразно и с головой выдавали ее жгучее желание быть принятой в круг «лучших». – Пока у нас есть четыре варианта, но нужно, чтобы ты ответила на несколько вопросов из анкеты.

– Вряд ли я могу вам помочь, – как можно сдержаннее возразила Рейчел. – Мне прекрасно известно, кто мои родители.

Саманта, Бетси и даже Шерри с Сарой переглянулись с видом людей, поставленных в тупик. И после недоуменного молчания Саманта непонимающе уточнила:

– Рейчи, ты сейчас пошутила, да? Не может быть, чтобы ты всерьез верила в то, что Мэринда – твоя мать.

– Мне незачем верить, я это знаю, – впервые за последние десять минут девушка подняла голову и прямо посмотрела в лицо своему школьному кошмару. Издевательски приподнятые темные брови и ледяной высокомерный взгляд так отличались от тона, которым с ней говорила Саманта, что стало не по себе. Сара с торопливой услужливостью передала ей планшет, и вечная обидчица, презрительно улыбаясь, повернула его экраном к Рейчел:

– Посмотри сама: ты на нее совсем не похожа. Волосы, глаза, черты лица – хотя бы что-то должно сходиться. Но у вас ничего общего ни с ней, ни с сестрой, ни с твоим отцом. Прости, мы думали, ты знаешь…

– Рейчи, очевидно же, что тебя удочерили, – с твердой убежденностью вклинилась в беседу Бетси. – И, кстати, это объясняет, почему твой отец отправил тебя сюда без всяких причин. Помнишь, ты недавно жаловалась Ванессе?

Рейчел почувствовала себя так, будто ее с размаху ударили по лицу, и внимательно посмотрела на Ванессу, которую по наивности до сих пор принимала за подругу. Но предательница в ответ улыбнулась без капли смущения, лишний раз подтверждая то, что Рейчел и так уже знала: она здесь совсем одна. Толпа девчонок вдруг превратилась для нее в сплошную серую стену, которая надвигалась со всех сторон, постепенно становилась удушающей. Чувствуя приближение паники, Рейчел обратилась к Саре – она казалась наименее опасной из всех:

– Пропусти, я хочу уйти.

– Вообще-то я стою там, где мне удобно, – казалось, местная толстушка пробует стервозность на зубок и с каждым новым словом все больше входит во вкус. Ее рвение легко было понять: до того как в их класс приняли домашнюю розочку ла Ривер, именно Саре доставался весь задор очаровательных воспитанниц.

– Рейчел, да что с тобой? Неужели тебе не интересно узнать, кто твоя настоящая мама? – с наигранным возмущением поинтересовалась Шерри.

– Мы просто пытаемся помочь, – подчеркнуто сочувственный тон Бетси не мог скрыть ее радостного возбуждения, которое нарастало по мере того, как Рейчел все больше теряла контроль.

– Пора посмотреть правде в глаза, – не унималась разгоряченная ее уязвленной реакцией Саманта. – Папочка тебя не любит и не хочет проводить с тобой время, потому что ты не ла Ривер. Конечно, проще притвориться дочерью знаменитости, но разве это справедливо?

Лимит насмешек был превышен. Несмотря на нежелание опьяневших от власти старшеклассниц выпускать ее из круга, Рейчел решительно подошла к Саманте и, задыхаясь от болезненных эмоций, сбивчиво проговорила:

– Отойди, или я тебя толкну!

– Пожалуйста, дорогая, тебя никто не держит, – излишне покладисто отозвалась Саманта Стейн и с преувеличенной готовностью пропустила Рейчел вперед. Но не успела девушка сделать и шага, как споткнулась об ее выставленную вперед ногу, обутую в бежевую туфлю, и снова упала. Вокруг раздался издевательский смех:

– Рейчи, что же ты все-таки за растяпа! Как у женщины с идеальной координацией мог родиться такой неуклюжий ребенок?

Собравшись с силами, Рейчел выдернула из-под радуги ярких гольфиков свой рюкзак и, в отчаянии расталкивая всех, кто попадался на пути, бегом бросилась из школьного двора. В этот момент ее не заботило, что до окончания занятий еще полтора часа, и вопрос, как она будет добираться домой, тоже не возник в кипящем от ярости мозгу.

Вслед ей неслись еще какие-то насмешки, но Рейчел крепко зажала уши ладонями, не в силах выдержать больше ни одного жестокого слова. Всю ее трясло, как в лихорадке.

* * *

Торопливо спустившись по лестнице, Мари увидела, что домработница миссис Найман тоже выбежала из кухни, привлеченная неожиданным грохотом. На пороге стояла Рейчел. Выглядела она абсолютно невменяемой. Невидящие заплаканные глаза, серые и огромные, рассеянно оглядели всю комнату. По девичьему лицу прошла судорога. Нервозно отшвырнув в сторону школьный рюкзак, так, что он въехал в стену, она с едва сдерживаемой яростью процедила:

– Как же я все здесь ненавижу!

– Рейчи, в чем дело? – взволнованно спросила Мари. Девочка удивленно подняла голову, но возвращение близкого человека сейчас не могло ей помочь прийти в себя. Каким-то глухим голосом, будто собираясь с силами перед взрывом, она отстраненно произнесла:

– Ничего, Мари. Все просто замечательно. Рада тебя видеть.

– Поделись со мной. Что-то случилось в школе? – внимательно разглядывая свою младшую любимицу, предположила женщина. Рейчел вдруг рассмеялась истерическим смехом и начала говорить, постепенно входя в раж от собственных слов:

– Ой, ты хочешь расспросить меня о моей школе! Как это мило с твоей стороны, Мэр! Сейчас мы с тобой сядем на диванчик, и я поплачусь о своих проблемах. А ты в ответ выдашь заготовку о том, как героически мама преодолевала все трудности, какой была хорошей и крутой и как сильно я на нее похожа. Хотя мы обе знаем, что все это полный бред!

– Рейчи, постой… – попробовала прервать этот поток сознания Мари.

– Мисс, может, вам воды? – вмешалась испуганная домработница. Но девушка, казалось, не слышала. Во время своей сбивчивой речи она медленно отступала назад, словно на нее надвигались невидимые враги. И, уткнувшись бедром в круглый столик, на котором стояла фарфоровая ваза с крупными пурпурными розами, рассеянно оглянулась. Но тут же снова нырнула в свою истерику:

– Чем, боже мой, чем, по-твоему, я на нее похожа?! Хоть на кого-нибудь из нашей замечательной семьи? В школе никто не верит, что я ее дочь, – вот так сходство! Просто копия, одно лицо! Куда мне до нее?! Кто вообще в этом мире сравнится с гениальной Мэрлин?! Да пошло оно все к черту! – схватившись обеими руками за вазу, Рейчел с силой метнула ее в картину. Мари инстинктивно отступила на две ступеньки назад, миссис Найман пригнулась и закрыла голову руками, а сама Рейчел замерла на месте, потрясенная своим поступком. До портрета ваза, правда, не долетела, но его изрядно обдало водой, и два поломанных цветка тоскливо повисли на раме. Осколки фарфора эффектно разлетелись во все стороны.

– Вот тебе и здрасьте, – разогнувшись, возмутилась простоватая домработница. – Да что же это творится! Как только не стыдно…

– Миссис Найман, спасибо, дальше я сама, – мгновенно пресекла ее причитания Мари и спустилась вниз, осторожно переступая через осколки. Домработница скрылась на кухне, продолжая вполголоса свой неодобрительный монолог. Дождавшись, пока они останутся наедине, Мари подошла вплотную к девочке. Рейчел нервно сглотнула. Откуда-то из глубины начали подниматься слезы, но она немыслимым усилием воли их подавила. Выдержав долгий молчаливый взгляд, резко побледневшая Мари как можно спокойнее проговорила:

– Я понимаю, тебя сильно расстроили. И, наверное, это очень важно. Но после твоей выходки просто не могу тебя видеть. Иди, пожалуйста, в свою комнату.

Рейчел открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла его. Взрыв эмоций, казалось, полностью ее опустошил. Украдкой бросив виноватый взгляд туда, где валялись цветы и разбитая ваза, она поспешно прошла мимо Мари. Посмотреть на забрызганный водой портрет смелости она так и не набралась.

* * *

Негромкий стук в дверь. Рейчел сразу узнала его по особой манере отрывисто барабанить одним пальцем. Но именно сегодня не хотела говорить даже с ним. Еще никогда она не переживала такой красочной палитры эмоций. Пыталась убедить себя в том, что все они неправы и ничего не знают о ней, и даже Мари… Но слова одноклассниц проникли слишком глубоко. И там ранили, жалили, оставляли глубокие занозы даже теперь, спустя столько часов. Она пыталась спорить с ними, подбирала запоздалые ответы, но чем дальше, тем больше чувствовала себя уродливой, гадкой, будто бы оплеванной. И инцидент с вазой стал тем реша– ющим штрихом, после которого она не могла отрицать, что заслуживает такого отношения.

Не дождавшись ее ответа, Брайан осторожно заглянул в комнату. Рейчел выругала себя за то, что не заперлась на замок, и глубже уткнулась носом в подушку. Постояв на пороге с полминуты и убедившись в том, что она не спит, он закрыл за собой дверь. Рейчел почувствовала тяжесть его тела у себя в ногах, когда Брайан опустился на край кровати. И тихий рассудительный голос:

– Рейчи, хочу рассказать тебе небольшую историю. Приехал я сегодня за тобой после занятий – и угадай, что мне сказали? Оказывается, два последних урока ты прогуляла – просто ушла во время перемены. Боюсь представить себе, как ты добиралась до побережья, но оставим пока загадку. Не дозвонившись тебе, я, конечно, поспешил сюда – и ты просто не поверишь, что я увидел в гостиной… Честно говоря, поначалу были мысли, что Мари не в своем уме. Не могла же ты на самом деле швырнуть вазу с цветами в портрет своей мамы? Знаешь, даже жаль, что я этого не видел…

Девушка вдруг порывисто вскочила и бросилась к нему. Как можно сильнее вжалась в его грудь лицом и начала безудержно рыдать. Брайан сразу прервал свою ироничную тираду – похоже, на такой итог воспитательной беседы он не рассчитывал. Но все-таки понял ее без слов. Бережно обнял обеими руками и в попытке успокоить начал гладить по длинным белокурым

волосам, тихо приговаривая: «Ну что ты? Что? Крошка, кто тебя обидел?» Рейчел в ответ лишь плакала и отрицательно трясла головой, все еще прячась от всего мира в плотной ткани его футболки. Наконец Брайан чуть отодвинулся и, взяв ее за кончик подбородка, поднял его вверх, чтобы посмотреть в блестящие от слез серые глаза. Рейчел видела, как он привычно щурится и чуть склоняет голову набок, пытаясь прочесть по ее эмоциям все события дня. Внимательный синий взгляд словно доставал до самого дна души, заглядывал туда, где еще не успел осесть ил от упавших свежих обид. И не слишком удивилась, когда по итогу своей зрительной экскурсии он уверенно произнес:

– В гребаной образцовой школе все совсем фигово, да? – лишь молча покивала в ответ. После истерики на его твердой груди ей стало легче, но говорить по-прежнему не хотелось. Хотя, похоже, это и не требовалось.

– Послушай, я готов понять насчет твоего отца, Кэтрин или Мари. Но мне-то ты могла сказать?

– А с чего вдруг? – неожиданно произнесла Рейчел не своим хриплым голосом и уставилась куда-то в затененный угол комнаты. – Тебе навязали меня, как цветной буклет про Христову любовь. Если я уеду, твоя жизнь станет проще. На одну тупую малолетку меньше. И завтраки не придется готовить на троих.

Он осуждающе покачал головой и насмешливо отозвался:

– Рейчи, что же так слабо? Ты забыла упомянуть, что никто не будет выносить мне мозг и упиваться жалостью к себе, надеясь, что вот сейчас я начну доказывать обратное.

– Ни на что я не надеюсь! Мне вообще ничего от тебя не нужно! – в порыве гордости возразила Рейчел, все так же упорно отводя взгляд.

– Так я пойду? – с легкой иронией уточнил Брайан.

– Нет, – для верности она крепко вцепилась в его рукав. Он негромко засмеялся и притянул ее к себе за плечи, укладывая светлую головку туда, где она лежала во время рыданий. Но Рейчел уже через секунду недовольно отдернулась:

– Тут мокро. Все в моих соплях.

– Тебе не нравится? Ну а я просто в восторге.

Не удержавшись, рассмеялась его шутке и поспешно вытерла слезы. Брайан немного подождал и осторожно спросил:

– Рейч, так что там за проблема с непохожестью? Откуда вообще взялся этот треш?

– Если скажу, ты подумаешь, что я идиотка, – невыразительно отозвалась девушка. Брайан снова не сдержал смеха:

– Даже интересно, чем еще ты сегодня сможешь меня удивить.

– Просто я поняла, что совсем не такая, как все они, – не зная, куда себя деть от стыда, почти шепотом объяснила она. Брайан легонько накрыл ее ладонь своей, призывая посмотреть на себя. И когда глаза встретились, очень серьезно пояснил:

– Именно это мне в тебе и нравится, малышка.

– Нравится? – сердце в груди начало колотиться, как безумное, и Рейчел затаила дыхание, прислушиваясь к его ответу. Брайан улыбнулся доброй и одновременно покровительственной улыбкой:

– Столько лет под опекой Энтони – и ты смогла остаться собой. Живой и свободной. Как раз такой, как твоя замечательная мать, которая, кстати, очень тебя любила.

– Девчонки в классе не верят, что мы с ней родственницы, – поколебавшись немного, несмело повторила Рейчел то, о чем кричала в запале посреди гостиной.

– Ну, им, конечно, виднее, – когда он говорил это своим снисходительным тоном, все ее обидчицы в одну секунду уменьшались до ничтожных размеров, а затем испарялись, как капельки воды под солнечными лучами. – Рейчи, ты не должна доводить себя до истерик, рав-

няясь на Мэрлин. Нет никакого бремени гениальности, все это выдумки. Ты можешь быть кем захочешь и поступать как угодно. Лишь бы это делало тебя счастливой.

– А сам ты так живешь? – не удержалась от подковырки Рейчел.

– Вот прямо сейчас, – не смутился Брайан. – Меня, например, очень порадует, если ты перестанешь разводить трагедию, извинишься перед Мари и позволишь помочь тебе со школьными проблемами.

– А ведь ты тоже не слишком похож на своего отца, – принялась с новым любопытством разглядывать его девочка. – Он у тебя брюнет, и глаза карие… Тебя это не беспокоит?

– Страдаю каждый день, – с ожидаемой иронией отозвался ее тайный идеал мужчины.

Рейчел снова рассмеялась и вдруг поняла, что готова решиться:

– Брай, послушай, мои слова утром… Ну, про сон…

– Даже не начинай, – резко прервал ее он и торопливо поднялся с кровати. – Правда, Рейчи, уже не смешно.

Она послушно оборвалась на полуслове и кивнула, показывая, что не хочет создавать ему неприятную ситуацию. Брайан вопросительно посмотрел на нее, словно спрашивая себя, как расценивать этот порыв смирения. Но в конце концов ободряюще улыбнулся:

– Не слушай никого, чертенок. Если захочешь, ты легко сделаешь их всех.

Рейчел в ответ робко заулыбалась, пытаясь сделать вид, что разделяет эту уверенность. И все же каждое его слово нашло отклик в глубине.

Глава 5
Свечение

Вечер незаметно соскользнул на разгоряченную землю, обдав свежим дыханием успокоенные деревья и стены притихших домов. Затушеванные вечерней черно-лиловой краской окна отражали мелкие, хаотично поблескивающие звездочки, и где-то там, в скрытой за ними загадочной глубине, монотонно плескались волны, ни на секунду не прекращая своего вечного движения.

Брайан понял, что так просто ему не отделаться. Мелодия пришла изнутри, и пока он не найдет для нее форму, неуместное вдохновение не даст сосредоточиться на более важных вопросах. Спросил себя, откуда? Скромное хобби, которое одно время он по глупости пытался превратить в источник дохода, окончательно завяло еще года четыре назад. Примерно тогда, когда рухнуло доверие в их с Кэтрин семье. С тех пор посвящать песни было некому, да и желания не возникало. Пока сегодня не поговорил с крошкой Рейчи. Он, конечно, не собирался потакать маленькой девочке в подростковых фантазиях, хотя ее неуклюжие попытки получить мужское внимание были бесконечным источником его внутреннего веселья. Но дело совсем не в этом. Он вдруг увидел в ней что-то близкое себе. Одинокая замкнутая малышка, у которой были причины думать, что она никому особо не нужна. Вот только на его счет Рейчел ошибалась. Брайану очень нравилось заботиться о ней. С тех пор, как она приехала, в его жизни добавилось красок, появилось больше причин вставать по утрам. Да и Джереми готов был прыгать от радости, хоть и старался не показывать истинных чувств. Одним своим присутствием Рейчел создавала ауру нежной женственности, которой им обоим так не хватало. К тому же благодаря ей здесь стала чаще бывать Мари, и дом уже не казался таким пустым. А когда вокруг звучали голоса, требующие внимания, Брайан мог на время забыть о том, во что превратилась его жизнь.

Рейчел. Ему хотелось согреть ее, поддержать, сказать, что она не одна, и он все понимает. Объяснить девочке, какая она милая и сколько в ней особенного, только ее личного обаяния, которое заставит жестоко страдать еще не одного наивного мальчишку. Но он не мог. Зато мог выразить все эмоции сейчас, в этой глупой песенке, навязчиво требующей выхода. Устав ей сопротивляться, спустился в подвал и отыскал в углу старую гитару, преступно брошенную среди груды хлама. Минут пятнадцать провозился с настройкой, а потом, держа ее под мышкой, пошел в сторону пляжа, по пути прокручивая мелодию в голове.

Океан сегодня вел себя тихо, специально по случаю даже приглушил звук волн, ровно настолько, чтобы, сидя на пляже, можно было услышать свои мысли. Прямо у ног Брайана рассыпалась серебром широкая лунная дорожка, которая постепенно сужалась, уходя вглубь бескрайней бездны. Хороший вечер, чтобы побыть наедине с собой. Он и не заметил, как неясные ощущения сложились в слова. Свечение. Ровный платиновый свет луны. Золотистые искорки в ее светлых волосах, когда этим солнечным утром она заявилась на кухню. Белоснежное сияние детской безгрешности, так причудливо переплетенное в ней с первыми неумелыми набросками соблазна. Вряд ли он рискнет когда-нибудь дать жизнь этой песне. Но ее чистота, отсутствие двойного дна в серых глазках завораживают, возвращают веру в то, что мир не настолько циничен. Ведь в нем есть такие, как она.

И вот уже он наигрывает мелодию на гитаре, негромко подпевая себе и отключившись от всего, полностью погруженный в момент. И даже не услышал шагов по песку, пока совсем рядом не раздался слегка встревоженный и одновременно печальный голос:

– Очень красиво, Брайан. О ком бы это ни было.

Повернул голову – она стояла над ним, закрывшись обеими руками от солоноватого морского ветра, который, по-видимому, пробирал ее насквозь. Высоко заколотые каштановые волосы так и норовили выбиться из прически, и несколько локонов навязчиво налетали на ее красивое точеное лицо. Даже сейчас, когда рабочий день в офисе был позади, молодая женщина продолжала держаться очень ровно, с этим своим неизменным достоинством, которое заставляло уважать ее, что бы она ни делала. Брайан протянул жене свою куртку:

– Надень, Кэтрин.

Поколебавшись секунду, она все-таки взяла вещь из его рук и, закутавшись, села рядом, между делом обронив:

– Мне казалось, тут теплее.

– Вода обманчива, ты же знаешь, – все еще витая в своих мыслях, отозвался Брайан.

– Я помешала тебе? – с извиняющимися нотками в голосе уточнила Кэтрин, когда он отложил гитару в сторону.

– Нет, я уже закончил.

– Давно ты не писал, – в зеленых глазах жены появилось любопытство. Брайан бросил на нее быстрый взгляд, на автомате отметив, как соблазнительно вырисовывается контур ее груди даже под этой мешковатой курткой. На мгновение мелькнула мысль: «А может?..», но следующая фраза Кэтрин заставила его отказаться от этой идеи.

– Извини, что не успела сегодня на родительское собрание, жуткий завал, все будто разом с ума сошли. Пришлось задержаться в офисе допоздна… Что?

Последний вопрос «миссис» задала, когда увидела, с каким насмешливым пониманием муж ее слушает. Брайан улыбнулся так, что стало ясно: у него нет никаких иллюзий на ее счет. И отрезвляюще спокойно пояснил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.